

А. С. Кулева

ИСТОРИЯ

УСЕЧЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

УДК 811.161.1

ББК 81.2

К90

Монография печатается по рекомендации Ученого совета
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *Л. В. Зубова*;

д-р филол. наук, проф. *Г. И. Кустова*

Кулева А. С.

К90 История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 544 с.

ISBN 978-5-4469-1235-3

Усеченные прилагательные традиционно рассматривались как черта поэзии XVIII в., однако собранный материал (более 30 тыс. поэтических текстов 500 авторов XVII — начала XXI в.) показывает, что этот грамматический архаизм употреблялся в русской поэзии на протяжении всей истории ее существования, встречается и на современном этапе. В книге описывается происхождение и функционирование усеченных прилагательных, что позволяет по-новому взглянуть на эволюцию поэтического языка.

Книга может быть полезна не только лингвистам, но и литературоведам, а также всем интересующимся русской поэзией.

УДК 811.161.1
ББК 81.2

ISBN 978-5-4469-1235-3

© А. С. Кулева, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. А. Плуменя.</i> Несколько слов об этой книге.	3
<i>Введение.</i> Усеченные прилагательные как лингвопоэтический факт.	4

Часть I

История и судьба «усеченных прилагательных»

<i>Глава 1.</i> Место усеченных форм в системе имени прилагательного	9
1.1. Усеченные прилагательные в современном языковом сознании (в зеркале интернета).	9
1.2. Усеченные прилагательные в свете истории имени прилагательного.	16
1.3. Своеобразие кратких прилагательных в русском языке.	20
1.4. Эволюция взглядов на усеченные прилагательные	24
<i>Глава 2.</i> Усеченные прилагательные: что это?	40
2.1. Содержание понятия «усеченные прилагательные»	40
2.2. Функции усеченных прилагательных в поэтическом языке.	43
2.3. Состав форм усеченных прилагательных	48
2.4. Способы образования усеченных прилагательных.	51
<i>Глава 3.</i> Усеченные прилагательные в языке русской поэзии XVII–XIX вв.	56
3.1. Усеченные прилагательные в истории русской поэзии	56
3.2. Виршевая и силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.	59
3.3. Усеченные прилагательные в поэзии XVIII в.	62
3.3.1. Усеченные прилагательные в теории и практике поэтов-реформаторов. Кантемир. Тредиаковский. Ломоносов	62
3.3.2. Употребление усеченных форм в поэзии второй половины XVIII в.	69
3.4. Усеченные прилагательные в поэзии XIX в.	72
3.4.1. Поэзия рубежа XVIII–XIX вв.: поиски путей развития	73
3.4.2. Усеченные прилагательные в поэзии Золотого века: А. С. Пушкин	75
3.4.3. Переосмысление роли усеченных прилагательных в поэзии XIX в.	77
<i>Глава 4.</i> Усеченные прилагательные в языке русской поэзии XX — нач. XXI в.	85
4.1. Усеченные прилагательные в поэзии XX в.	85
4.2. Усеченные прилагательные в поэзии Серебряного века	86
4.2.1. Усеченные прилагательные как лингвистическая черта поэтического направления. Символизм и акмеизм.	86
4.2.2. Фольклорная линия в поэзии. Городецкий. Клюев. Есенин	92

4.2.3. Футуризм. Велимир Хлебников. Маяковский	96
4.2.4. Усеченные прилагательные как элемент стилизации: Кузмин. Цветаева	97
4.3. Расширение функций усеченных прилагательных	103
4.3.1. Усеченные прилагательные как средство исторической стилизации	105
4.3.2. Усеченные прилагательные в языке поэзии рубежа веков	109
4.3.3. Использование усеченных форм в поэтических переводах	117
4.4. Усеченные формы в стихотворной строке: рифма и ритм	120
4.5. «Усеченные прилагательные» в языке прозы	128
4.6. Усеченные прилагательные в языке русской поэзии: эволюция словаря	129
4.7. Корпусное исследование усеченных прилагательных	132
<i>Глава 5. Словарь усеченных прилагательных.</i>	142
5.1. Усеченные прилагательные в словарях языка писателей	142
5.2. Составление «Словаря усеченных прилагательных»	144
<i>Заключение. Судьба усеченных прилагательных в языке русской поэзии.</i>	147

Часть II

Четыре века русской поэзии

в зеркале одного грамматического элемента: опыт словаря

1. Авторы	151
Виршевая поэзия (пер. пол. XVII в.)	151
Силлабическая поэзия XVII–XVIII вв.	152
Поэзия XVIII в.	152
Поэзия рубежа XVIII–XIX вв.	152
Поэзия XIX в. Пушкинский период	153
Поэзия XIX в.	153
Поэзия XX в. Серебряный век.	154
Поэзия XX и рубежа XX–XXI вв.	155
2. Усеченные прилагательные: опыт словаря	159
<i>Приложение. Количественный анализ употребленных форм</i>	505
<i>Литература</i>	520
<i>Послесловие</i>	537

Часть I
**ИСТОРИЯ И СУДЬБА
«УСЕЧЕННЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ»**

ГЛАВА 1

**МЕСТО УСЕЧЕННЫХ ФОРМ
В СИСТЕМЕ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО**

**1.1. Усеченные прилагательные в современном языковом сознании
(в зеркале интернета)**

Вопрос о происхождении и употреблении усеченных прилагательных не принадлежит исключительно прошлому.

Усеченные прилагательные упоминаются в классических и новых учебниках и справочниках, научных работах. Как исследователи-филологи, так и студенты (и даже школьники) сталкиваются с отсутствием единой авторитетной точки зрения на усечения, что приводит к накоплению неточностей и ошибок, затемняющих и без того неясный вопрос. Характерен такой пример¹:

Моя задача — разоблачить допущенную автором ошибку, касающуюся не понимания смысла стихотворения, а более элементарную. И. Сурат не разобралась в синтаксическом строении пушкинской фразы, что выразилось в постановке точки (вместо запятой) в конце последней процитированной строки; в результате *выброшен* оказалось сказуемым. Между тем это часть обособленного причастного оборота («лишь я, таинственный певец, на берег *выброшен* грозюю, я гимны прежние пою...»). В исследованиях об особенностях синтаксиса русского литературного языка XIX века рассматривается эволюция такого рода конструкций, постепенно становившихся принадлежностью главным образом стихотворной речи, а к концу века почти утраченных и в стихах <...> Для современного языка характерны полные формы: на берег выброшенный грозюю, усеянный плошками, окруженный своей дубравой и т. д. Но разве исследователь творчества Пушкина не обязан знать особенности синтаксиса русского литературного языка прошлого века? [Еськова 1999: 57–59].

Если ошибки встречаются в исследовательской литературе, неудивительно, что у носителей языка на проблему усеченных прилагательных отсутствует правильная точка зрения.

---

¹ В книге примеры и цитаты, как правило, даются в соответствии с использованными источниками (в отдельных случаях — в осовремененной графике, поскольку текстологическая точность, к сожалению, первоначально не входила в число первостепенных задач исследования). Кроме того, непоследовательно используется буква ё: она выполняет смыслообразительную функцию, а также сохраняется в цитатах.

О том же, что эта проблема актуальна сегодня для широкого круга носителей языка, говорит то, что при поиске в интернете можно обнаружить значительное число документов, в которых встречается искомое словосочетание. Так, в ходе написания кандидатской диссертации, которая стала основой этой книги, обращение к интернет-ресурсам стало важным этапом. В мае 2007 г. при поиске «усеченные прилагательные» Яндекс предлагал «страниц — 787, сайтов — не менее 195»², Rambler — «сайтов: 117, документов: 651», Google — «примерно 876 результатов», Yahoo! — «about 143», причем лишь незначительная часть контекстов содержала терминологическое сочетание в нужном значении. Омонимичным оказывался термин словообразования (случаи образования слова путем сложения двух основ с усечением первой: *детсад*; образование слов в разговорной речи, в жаргонах: *комп* от *компьютер*), синтаксиса (усеченные конструкции), термин грамматики испанского языка, а также ряда других (например языка сибирских татар). При поиске в специализированной базе [ФЭБ] обнаружился 41 текст с компонентом «усеченный»: в большинстве случаев имелся в виду усеченный стих или усеченная рифма: «Адонический стих» [Квятковский 1966]; «Аббревиатура»; «Брахикатаlecticкий стих» и др. Собственно усеченные прилагательные упоминались всего несколько раз³.

Результаты интернет-поиска позволяют высказать некоторые наблюдения. Важно, что термин «усеченные прилагательные» оказывается актуальным: он встречается в исследовательских работах, в преподавании не только вузовского, но и школьного уровня, в окололитературной полемике, в общении. При этом термин остается малопонятным — ощущается необходимость его толкования. Но определения усеченных прилагательных отличаются непоследовательностью и неточностью. В статьях справочного характера находим такие примеры:

Понедельник (правило недели): имя прилагательное, часть 2. Большинство качественных прилагательных имеют полную и краткую форму <...> В предложении прилагательное чаще всего бывает определением или входит в именную часть составного сказуемого (например: Зимой Москва всегда особенная). Краткие прилагательные бывают только сказуемыми. Примечание. В поэтических произведениях встречаются в качестве определений усеченные формы полных прилагательных, например:

---

² Что характерно, сейчас аналогичный запрос в Яндексе дает «10 млн результатов, 50 показов в месяц» — и это, кажется, можно связать не только с лавинообразным развитием интернет-сферы, но и с возросшим интересом к этому грамматическому явлению, в чем, как хотелось бы верить автору этой книги, сыграли некоторую роль предшествующие публикации на эту тему (около 40 статей и кандидатская диссертация) — даже если ценой этого стала такая неприятность, как бессовестное использование моей диссертации в базах курсовых и рефератов, которые будут упоминаться в этой главе.

³ Литературная энциклопедия: В 11 т. / Гл. ред. А. В. Луначарский. [М.], 1929–1939; Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Крат. энцикл. слов. Минск, 1989.

Князь у *синя* моря ходит.

Он пел разлуку и печаль, и нечто, и *туманну* даль.

Александр Боржонов по материалам книги Л. А. Чешко «Русский язык»⁴.

Отметим, что в статье, претендующей на научность и достоверность («правило недели»), понятие «усеченные прилагательные» приводится, но не разъясняется (не считая ссылки на употребление в поэтических произведениях), причем в первом из приведенных примеров (*у синя моря*) использован фольклорный постоянный эпитет, а разница между двумя примерами в «правиле» не оговаривается.

Характерно, что значительное число найденных примеров представляет собой попытку дать определение данного явления. Обилие в интернете различных справочных материалов по русскому языку сигнализирует о том, что современный носитель языка ощущает неполноту знаний о языке, которыми располагает, и стремится обращаться к дополнительным источникам информации. С другой стороны, в популярных источниках часто встречаются вторичные, упрощенные и — как следствие — невнятные или прямо ошибочные определения. Что гораздо хуже, многие авторитетные источники (прежде всего словари) могут быть представлены в интернете в сокращенных, произвольно измененных и даже искаженных вариантах (см., напр., [Четырина 2013]) — что создает ложное представление о них. Снижение доверия к «официальной» информации (а также слабые навыки самостоятельной работы с источниками) можно увидеть в стремлении интернет-пользователя обращаться за ответом к аудитории блогов и форумов в надежде на то, что более компетентные люди всё объяснят (к сожалению, гораздо чаще в таких случаях можно видеть эффект «испорченного телефона»).

Неудивительно, что неточности и ошибки широко распространены в области преподавания гуманитарных дисциплин. В различных базах рефератов, курсовых и дипломных работ (которые стали бичом современного образования) можно найти многочисленные примеры.

В одной из таких работ (О. Ю. Васильева, «Стилистические особенности переложений псалмов М. В. Ломоносова») читаем: «Нормативными явлениями для церковнославянского языка I половины XVIII века можно считать (в переложениях Ломоносова): <...> 6. Наличие усеченных прилагательных, которые сознательно были выведены Ломоносовым как искусственные средства выражения. Понимать их следует как “нечто среднее между формами полных и кратких прилагательных”. Формально они напоминают краткие прилагательные, но в предложении выполняют атрибутивную функцию, что свойственно полным формам; краткие прилагательные, как правило, выполняют предикативную функцию. *Надежду* (какую?) *крепку несомненно* / *В тебе едином положу*... (постпозиция определения)». Откуда автор работы почерпнул сведения о том, что усеченные прилагательные были сознательно «выведены» Ломоносовым, и почему в таком

---

⁴ <http://www.newslab.ru> (здесь и далее примеры из интернета, обнаруженные в 2007–2016 гг.).

случае они являются «нормативными явлениями для церковнославянского языка», остается неясным.

В другой работе («Сравнения в поэзии и прозе М. И. Цветаевой». Дипломная работа по русскому языку. Салтыкова Ю. В. 1998. Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского) читаем: «И яблони — что ангелы — белы. <...> В последнем примере употребляется и усеченная форма имени прилагательного “белый”, что встречалось в примерах уже не раз и характерно только для фольклора». Здесь безусловно ошибочно утверждение, что усеченная форма характерна «только для фольклора», поскольку усечения всегда определялись как искусственный элемент языка книжной поэзии, а краткие атрибутивные прилагательные в качестве фольклорных постоянных эпитетов представляют собой наследие древней грамматической системы. И совсем неправоммерно это утверждение применительно к приведенному примеру: *И ладанное облако углы / Унылой обволакивает ризой, / И яблони — что ангелы — белы, / И голуби на них — что ладан — сизы* («За девками доглядывать, не скис», 1916). Очевидно, что здесь *белы* — краткое прилагательное в предикативной функции с ударением на окончании, не несущее особой стилистической окраски, тем более фольклорной.

К сожалению, неточность и недостоверность в изложении учебного материала можно встретить не только со стороны учащихся. Так, в электронной версии вузовского курса морфологии читаем: «Основная синтаксическая роль кратких прилагательных — именная часть сказуемого. Реже, но исполняют роль определения — фразеологические обороты, устное народное творчество: лиха беда начало, красна девица, добр молодец... При особых синтаксических условиях краткое прилагательное образует обособленный оборот: Он вернулся, угрюм и злобен. Не смешивайте краткие прилагательные с усеченными прилагательными. Усеченные прилагательные — такие полные, у которых отсекается конечный гласный окончания (согласно требованиям рифмы и стихотворного размера). Такие прилагательные употребляются в роли определения в любом падеже: Раздайтесь, вакхальны напевы; царска воля... Широко используются в фольклоре»⁵.

В последнее время усеченные прилагательные всё чаще мелькают и в школьном преподавании. Например, в различных элективных курсах, предлагаемых старшеклассникам, находим программное требование: «Знать о происхождении полных форм имени прилагательного от краткой формы. Различать краткие имена прилагательные и усеченные формы полных имен прилагательных в произведениях русской литературы. Уметь находить в текстах произведений русской литературы старославянские формы имен прилагательных»⁶.

Отметим задание олимпиады для школьников 8–9-х классов (Соросовские гуманитарные олимпиады Сибири, 1998–1999):

Участникам предложено определить, какой частью речи является слово *по-никши* в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Осень» (1828)

⁵ <http://www.tnpu.edu.ua/subjects/81/7/lec.htm>

⁶ http://Kuzikova-NM.narod.ru/_private/Wneurocnaia.htm

Листья в поле пожелтели.
И кружатся, и летят.
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.

Школьникам предложены варианты ответов: деепричастие, краткое прилагательное, усеченное прилагательное, поэтическая вольность, «усекающая» лишний слог. Найти верные варианты ответов помогала подсказка. Правильными были два последних варианта

Ответ предлагался следующий: «Слово поникши — это прилагательное, которое является определением к слову ели. Это не краткое прилагательное, потому что не является сказуемым. Это так называемое усеченное прилагательное. Усеченные прилагательные поэтами XVIII в. — первой половины XIX в. употреблялись часто как поэтическая вольность, усекающая для рифмы лишний слог. От кратких прилагательных их отличает синтаксическая функция (всегда являются определением), а также и то, что усеченные прилагательные всегда сохраняют ударение, совпадающее с «родительским» ударением полного прилагательного»⁷. В приведенном ответе допущен ряд ошибок: слово *поникши* является не прилагательным, а действительным причастием прошедшего времени; «усечение лишнего слога» не имеет отношения к рифме, в том числе — и в данном примере; усеченные прилагательные могут отличаться от кратких форм местом ударения, но утверждать, что они «всегда сохраняют ударение», неправомерно (ср. *прекрасна* vs. *прекрасная*, где никакого переноса ударения на окончание нет). Учитывая количество весьма странных ошибок, трудно согласиться с познавательной и методической ценностью такой олимпиады.

Для сравнения приведем комментарий к этим строкам Лермонтова из популярной книги видного ученого:

Здесь *поникши* — не деепричастие, а прилагательное (из причастия), выступающее как определение к существительному *ели*. <...> Перед нами здесь не полное прилагательное (но и не краткое: краткое прилагательное выступает всегда в качестве сказуемого, см. в том же стихотворении: «Ночью месяц *тускл* и поле Сквозь туман лишь серебрит»), а так называемое усеченное. Усеченные прилагательные поэтами XVIII — первой половины XIX в. употреблялись очень активно и часто как одна из поэтических вольностей, «усекающих» лишний слог. Использовались такие прилагательные с чисто версификационными целями в пределах предложения на правах определений, а не сказуемых. Это самая яркая дифференциальная черта усеченных прилагательных, хотя от кратких прилагательных их отличало иногда также и ударение, всегда совпадающее с ударением «родительского» полного прилагательного. <...> С 40-х гг. XIX в. в русской поэтической практике они уже встречаются только изредка [Шанский 2006].

⁷ <http://www.soros.org/>

Как нетрудно заметить, к ошибкам в определениях из электронных ресурсов приводит, казалось бы, незначительное упрощение описания. Так, причастие оказывается безоговорочно прилагательным, выражение *вакхальны напевы* приписывается фольклору, стоящее в середине строки прилагательное «усекается» ради рифмы, а «усеченная» форма описывается как образованная отсечением конечного гласного окончания любого падежа (ср.: И. мн. *вакхальны* / *вакхальны напевы* vs. Д. ед. *милому* / *милу другу*, а также Т. ед. *белым* / ? *светом* и П. ед. на *пустом* / *пусте* месте).

В представлении современного носителя языка (согласно упрощенной школьной грамматике) краткие формы напрямую образуются от полных и играют второстепенную роль, поскольку их использование ограничено позицией сказуемого. Исторически полные прилагательные и причастия были образованы от кратких (именных), но эта информация, скорее всего, неизвестна носителям языка, не имеющим филологического образования. Встречающиеся случаи атрибутивного употребления кратких форм могли бы также быть объяснены с точки зрения истории языка (архаичная церковнославянская или древнерусская форма, форма диалектная или взятая из другого славянского языка, поэтизм, стилизация), но всего этого нет в популярных источниках. Такая ситуация говорит о том, что язык, которым пользуется говорящий, гораздо богаче и разнообразнее, чем те формальные знания о языке, которыми он располагает, т. е. носитель языка осознает наличие в языке элементов, не описанных в «школьной грамматике», и пытается их осмыслить, обращаясь к доступным источникам информации. С другой стороны, между научным описанием языка и его носителем нередко оказывается если и не пропасть, то некая зона неполного понимания, что не может не огорчать.

В языке художественной литературы можно найти яркие иллюстрации отмеченного расхождения между языком и лингвистической компетенцией его носителя. Так, в прозе современных авторов: *И вот тогда я понял, что настоящего **страху иудейску** еще не знал... Видите ли, мой отец может всё. <...> я ни разу в жизни не видел, чтобы он решил «я это сделаю» — и не сделал* (И. Адриати, А. Лазарчук, М. Успенский «Марш еклезиастов»); ср.: *страха ради иудейска* 'из страха перед властями или какой-л. силой'. В приведенном примере фразеологизм приведен не только не в своем значении (контекст подсказывает что-то вроде 'не знал настоящих проблем'), но и не в том падеже: если *страху* — это допустимый вариант формы Р. п. («второй родительный»), то образованная по аналогии в целях архаизации форма *иудейску* — это Д. п., а всё выражение в целом выглядит очень странно. Однако эти же авторы нередко вводят внутритекстовый комментарий при ярких речевых характеристиках: с одной стороны, нетвердое владение родным языком типично для современного человека, так что персонажи выглядят вполне реалистично, авторы же дают читателю примеры речевой рефлексии. С другой стороны (как можно было бы предположить), авторы «страхуют» себя от возможных ошибок, отдавая их персонажам. Например:

— Крысиный же вертеп свой она охотно демонстрировала близким ей по духу людям, в числе их и Шувалов, и Ломоносов Михайла Васильевич, и все восторжены были хваткостью к ученичеству лицедейному, зверьми проявленному. Писесы фон Визина разыгрываемы были в сем вертепе допреже публикации... — Костя, не ломай язык, — засмеялся Николай Степанович (А. Лазарчук, М. Успенский «Посмотри в глаза чудовищ»). В приведенном выше примере речь идет от лица подростка, так что явную, но очень интересную ошибку можно или «списать» на его молодость, или отнести к языковой игре.

И, наконец, в интернет-общении мы находим свидетельства того, что усеченные прилагательные воспринимаются современным языковым сознанием как актуальная единица, хотя четкое и правильное представление об этом явлении у говорящих, как правило, отсутствует. Например, в обсуждении сетевых поэтических публикаций находим следующие случаи.

Комментарий к стихотворению Веры Полозковой «Осточерчение»: «Вера, я понял! Главное средство выразительности твоей поэзии — эпитеты, выраженные усеченными формами прилагательных. Волшебнo!»⁸ При этом в самом стихотворении нет ни одного усеченного прилагательного. Автор комментария, вероятно, хотел отметить своеобразие кратких форм прилагательного (*Выставочен как ни был бы, приурочен — / А все равно же вымучен, что уж тут; Как бы ты ни был вычерчен — ты вторичен; / Тысячен, если мыслить в таком ключе*), что весьма характерно для языка поэзии [Поэтическая грамматика 2005: 352–354], ср. у Л. Мартынова: *Губы сжаты, а глаза стеклянны; И, как бы ни межзвездны наши судьбы, / Важней всего нам благ земных достичь*. Этот художественный прием может быть связан с традицией усеченных прилагательных, но тем не менее никаких оснований называть приведенные формы усеченными прилагательными здесь нет.

Негативная оценка усеченных прилагательных как искусственного элемента поэтического языка видна в неправомерно резком выпаде критика Кирилла Анкудинова в адрес московского поэта Сергея Шестакова:

ты на марке монгол шуудан
журавлиная буква у
и за медный пойдёшь колчедан
в синий кляссер в слоистую мглу
там с колодезным а Трансвааль
будет гукать аукать колоть
так твою ненасытну печаль
утолит восьмилетний господь

Журавлиная буква у на марке монгол шуудан — это ты. Ладно. И ты (как буква у) пойдёшь в синий кляссер. Ладно. Пойдёшь за медный колчедан (а он-то причём?). И там — в слоистой мгле синего кляссера с каким-то колодезным а Трансвааль что-то будет гукать, аукать, колоть (или это Трансвааль будет заниматься этим самым) — и так твою ненасытну печаль (вспоминаю

⁸ <http://vero4ka's.journal.livejournal.com>

майкопских поэтесс-студенток, которые любят эдак усекать прилагательные) утолит восьмилетний Господь. Допустим, «восьмилетний Господь» — это сын. Но к чему «монгол шуудан», «медный колчедан» и «а Трансвааль»?⁹

Интересно, что при чтении блогов и форумов (т. е. не в художественной речи, а в непосредственном общении современных носителей языка) можно найти самые разные примеры атрибутивного употребления кратких форм (*это у нас любовны игры такие; проявила о нем материнску заботу; в разны стороны оглядывался с ужасом; он вам тоже полну авоську навалает; эй, драги други!; по гробову доску денег должен; сломались импортны игрушки; распечатайте программу на всяк случай; гневны филиппики*), происхождение и функционирование которых тоже было бы интересно рассмотреть.

Безусловно, нельзя требовать от каждого носителя языка стремления получить филологическое образование, но филологи могут (а может быть, и должны) заботиться о том, чтобы общее образование давало необходимый минимум знаний о языке, а более полная информация была доступна (процитированная выше книга Н. М. Шанского — великолепный пример того, как научное знание излагается в самой популярной форме, не теряя при этом точности). Более того, подобные случаи позволяют выявить «лакуны» в традиционном грамматическом описании.

Важно, что происхождение и, таким образом, грамматический статус употребленной в художественном произведении (поэтическом или прозаическом) той или иной формы могут быть очевидны для современного филолога, но обязательно — для читателя или даже автора. Как представляется, именно атрибутивное употребление оказывается наиболее существенным признаком рассматриваемых форм.

Возвращаясь к вопросу об атрибутивном употреблении кратких форм в современном русском языке, приходится признать, что отмечаемые словарями и грамматиками факты не укладываются в систему и не дают адекватного представления об этом явлении.

Факт упоминания усеченных прилагательных даже в школьном преподавании говорит о том, что это явление достаточно широко известно носителям языка, но приведенные примеры показывают, что представление о нем нередко оказывается неточным или ложным. Необходимость введения действительно научного определения данного понятия, как представляется, очевидна. Особенно важной оказывается проблема отражения усеченных прилагательных в словарях, справочниках и учебниках.

1.2. Усеченные прилагательные в свете истории имени прилагательного

Происхождение и соотношение именных и местоименных прилагательных, семантические различия полных и кратких форм, отражение истории форм прилагательного в памятниках различных эпох изучаются давно и разносторонне

⁹ <http://kirillankudinov.livejournal.com>

(например: [Истрина 1921; Толкачев 1952; Шведова 1952; Толстой 1954; 1957; Исаченко 1963; Жирмунский 1964; Прокопович 1964; 1971; Зализняк 1967; Шрамм 1979; Степанов 1981; А. Кузнецов 1983; 1997; Никольс 1985; Кукушкина 1992; 1993; Гиппиус 1993; Древнерусская грамматика 1995; Гиро-Вебер 1996; Б. Гаспаров 1997; Баданина 1999; Баранов 2003; Историческая грамматика 2006а; Кустова 2007; Всеволодова 2013] и др.).

Известно, что в древнерусском языке, как и в старославянском, существовали два типа прилагательных — именные и местоименные, из которых более древними были именные формы. Первоначально в центре системы имени прилагательного находились древние именные формы, изменявшиеся по родам, числам и падежам и выступавшие в предложении в роли как предиката, так и определения. «И качественные краткие прилагательные (*краснь, синь*), и относительные (*древянь, роусськъ*), и притяжательные (*отьцевъ, сестринъ*), поскольку они могли употребляться в качестве определений, склонялись. И в этом их основное отличие от современных кратких прилагательных». Уже в древнейших памятниках русского языка в атрибутивных словосочетаниях преобладающими оказывались местоименные формы прилагательных. Однако исследователи отмечают, что именные формы в атрибутивном употреблении встречаются не только в древнерусских памятниках XI–XIV вв., но и в старорусских памятниках XV–XVII вв., причем речь идет как о качественных, так и об относительных прилагательных: «...еще в XVI–XVII вв. подобное употребление кратких прилагательных было нередким: *пришель чернецъ молодъ, послали ковшъ золотъ, допрашивати женъскъ поль* — в Соборном Уложении 1694 г.» [Т. Винокур 2004: 83].

В литературе прошедших десятилетий было широко отражено представление, согласно которому именные прилагательные возникли в праиндоевропейском языке в процессе расщепления нерасчлененного имени на существительное и прилагательное, и поэтому были близки по структуре имени существительному [Иванов 1964/1990; Хабургаев 1990]. Местоименные формы возникли в праславянском языке посредством слияния падежных форм именного прилагательного с соответствующими падежными формами указательного местоимения И, I-E, I-A, которое, как принято было считать, привносило элемент значения определенности подобно определенному артиклю (члену) в артиклевых языках [Бородич 1963; Юдакин 1979; Иванов 1990: 291–292], а возможно, было призвано разграничить парадигмы прилагательного и существительного [Соколянский 2004: 353]. Противопоставление местоименных (членных) и именных (нечленных) форм по признаку определенности–неопределенности перекрещивалось с противопоставлением по функции. «Иначе говоря, внутри имен прилагательных полные и краткие противопоставлялись друг другу не только как определенные и неопределенные, но еще и как атрибутивные и предикативные <...>. Второе отношение постепенно перевесило из-за силы самой категории предикативности, и краткие прилагательные потеряли функцию определения, которая стала закрепляться за полными формами» [Иванов 1990: 293]; ср. [Буслаев 1959: 420; Елкина 1960: 139–141; Камчатнов 1998: 74]. Постепенно противопоставление

по признаку определенности–неопределенности обусловило закрепление за местоименными прилагательными функции определения, за именными — именной части сказуемого. В предикативной функции именные прилагательные употреблялись в форме именительного падежа, что привело к утрате ими склонения. «Выступая лишь в роли предиката, краткие прилагательные стали оглаголиваться, т. е. отходить от имени прилагательного, основной функцией которого является функция определения. Эта функция закрепилась за полными прилагательными, которые и стали представителями данной категории вообще, с отличием от имен оформлением» [Иванов 1990: 293]. Местоименные формы стали употребляться как в предикативной, так и в атрибутивной функции, произошла перестройка системы имени прилагательного: утратившие склонение именные формы отошли на периферию, а местоименные заняли центр системы и стали осознаваться носителями языка как полные формы, противопоставленные кратким, что и сохраняется в современном языке. (Всё вышесказанное относится также и к причастиям.) С появлением местоименных форм прилагательного связывали и разграничение разрядов прилагательных. Самыми древними считались качественные прилагательные, хотя есть и другие точки зрения. «Относительные и притяжательные прилагательные по определению могут быть только производными, т. е. содержащими суффикс в основе. Тем не менее семантическая дифференциация разрядов прилагательных слабо выражена при помощи суффиксов и других аффиксов, здесь намечались только тенденции. Одним из новых средств, используемых для дифференциации разрядов, оказались и членные формы прилагательных» [Историческая грамматика 2006а: 30].

Существует теория происхождения членных форм прилагательных, согласно которой они были образованы прибавлением не определенного, а относительного местоимения (*благый человекъ* ‘человек, который благ’), которое служило для логического выделения, усиления называемого прилагательным признака, выполняло усилительно-идентифицирующую функцию [Кукушкина 1992; 1993; Галинская 2014: 254]; ср. также [Вайан 1952; Вяч. Вс. Иванов 1979]. Кстати, это соотносится с тяготением кратких атрибутивных форм к постпозиции.

Нерешенным остается вопрос о смысловоразличительной роли порядка следования членов атрибутивного словосочетания. Например, в некоторых памятниках XI–XIV вв. препозиция и постпозиция по отношению к определяемому слову представлены практически одинаково: соответственно 52 и 48 %, тогда как в памятниках XV–XVII вв. — 69 и 31 % [Историческая грамматика 1978: 171–173, 186; 1979; 1982]; ср. [Борковский 1949; Ломтев 1956; Стеценко 1977; Ходова 1980] и др.

Следует отметить, что гипотеза о существовании в прошлом общей категории имени не является общепринятой [Баранов 2003: 78–79; Историческая грамматика 2006а: 30], под сомнение ставится и противопоставление именных и местоименных прилагательных по признаку определенности–неопределенности. Отсутствует единая точка зрения на проблему функциональной обусловленности выбора именных и местоименных форм (можно обратить внимание на такие

формулировки: «...что же касается грамматического значения, то, видимо, даже в памятниках XI–XIV вв. краткие формы атрибутивных прилагательных не отличались в этом отношении от полных» [Историческая грамматика 1978: 186]). С сожалением приходится признать, что, несмотря на обилие научных работ, в том числе трудов выдающихся ученых, история прилагательных далека от исчерпывающего описания (показательным примером может быть разгромная рецензия одного из авторов фундаментальной коллективной монографии на нее же [Крысько 2007: 200–216]).

По словам В. А. Плуногяна, «само морфологическое противопоставление “кратких” и “полных” форм в большинстве славянских языков, как известно, утрачено (хотя многие формы в современных адъективных парадигмах этих языков исторически восходят именно к полным формам); в русском это противопоставление наиболее отчетливо прослеживается только в предикативной функции (в конструкциях вида *ночь темна / тёмная; ваш ответ слишком краток / краткий* и т. п.). <...> адекватное описание этого противопоставления вообще является одной из наиболее сложных задач русской грамматики» [Плуногян 2011: 233].

Важно, что и в самой новой литературе отмечается необходимость более последовательного описания истории имени прилагательного: «Т. Нессета нельзя обвинить в невнимании к российским палеославистам и палеорусистам; учебник чаще всего отражает как новые эмпирические открытия, так и современные интерпретации данных. В этом смысле жаль, что совсем не говорится об альтернативной теории происхождения членных форм прилагательных — не из определенного артикля, а из относительной (по-видимому, изначально аппозитивной) конструкции: *человѣкъ благиш = человекъ иже есть блажь* [Кукушкина 1993; Галинская 2014: 254], которая кажется, как минимум, более типологически вероятной по сравнению со стандартной гипотезой» [Козлов 2017].

Несмотря на то что взгляды на историю имени прилагательного существенно менялись и многие вопросы, по-видимому, не имеют окончательного решения, несомненно одно: к XVIII в. сложилась существующая и сейчас система имени прилагательного, в центре которой находятся местоименные (полные) прилагательные, выполняющие в предложении функции определения и именной части сказуемого. Древние именные (краткие) прилагательные сохраняются в качестве специфических несклоняющихся и выступающих только в роли предиката форм, которые считаются образованными (в современной системе языка) от полных качественных прилагательных. Также и краткие причастия в современном языке сохранились только в качестве особой формы страдательных причастий преимущественно прошедшего времени. Краткие формы относительных прилагательных и действительных причастий в современном языке отсутствуют, а краткие притяжательные прилагательные имеют свою историю.

Особое, не определенное точно место занимают в этой системе «усеченные прилагательные».

1.3. Своеобразие кратких прилагательных в русском языке

Черты грамматической структуры кратких прилагательных изучались многими учеными. Определенная двойственность кратких форм обусловила появление различных точек зрения. Традиционно краткие формы объединяются с полными в рамках одной части речи (что нашло отражение в трудах по грамматике русского языка многих ученых, ср. [Богородицкий 1935; Грамматика 1952; Грамматика 1970; Виноградов 1972]). С другой стороны, исследователи отмечают, что уже при формировании современной системы имени прилагательного, когда разграничивались две группы форм, «и в первой, и во второй из этих групп уже были заложены такие основные признаки, которые совершенно необходимы для отдельной, самостоятельной части речи. Указанные две группы различались по категориальному значению, по основной синтаксической функции, по морфологической структуре. Видимо, этим нужно объяснить тот факт, что процесс становления имени прилагательного как части речи в то же время был процессом крайне медленного, но неуклонного, всё возрастающего обособления кратких форм от полных, отрыва первых от категории имени прилагательного» [Прокопович 1964: 224]. В развитии системы имени прилагательного проявлялась тенденция к нарушению лексико-семантической, морфологической, функционально-синтаксической и стилистической соотносительности членных форм и именных, всё более тяготеющих к глагольной сфере [Там же: 248].

В связи с этим многие исследователи: А. Х. Востоков, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, В. В. Виноградов — либо полностью отделяли краткие формы от имен прилагательных, либо в большей или меньшей степени склонялись к этому. Например, А. А. Шахматов, различая полные и краткие прилагательные, даже включал последние в систему глагола, обнаруживая в этих разрядах слов категории лица и времени, а также синтаксическую функцию сказуемости [Шахматов 1936: 140–154], ср. также [Бэбби 1985].

В современном языке отмечают различия между полными и краткими прилагательными по валентным возможностям, по стилистической окраске, по значению: «Краткие формы в отличие от полных обозначают признак как качественное состояние, поэтому для них характерно представление названного признака как приуроченного к определенному времени» [Краткая русская грамматика 2002: 255], ср. также [Арутюнова 1988: 238–241]. Многие исследователи отмечают книжный характер кратких форм, оттенок отвлеченности, категоричности, отличающий их от полных, в связи с чем именно краткие формы «предпочитаются в официальной и научной речи, в сентенциях и афоризмах» [Краткая русская грамматика 2002: 255], ср. также [Пешковский 1965: 225–226; Виноградов 1972: 213–214; Голуб 1989: 249–251; Золотова и др. 2004: 90–92]. Можно вспомнить, что Н. И. Толстой, анализируя различия в значении кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке, видел основное содержание категории определенности и неопределенности в уникализации и неуникализации,

нейтральности значения [Толстой 1957; 1999: 169]. Таким образом, краткие прилагательные выражают более общий, абстрактный смысл.

Интересно, что попытки объяснить отличия кратких форм от полных предпринимались в преподавании русского языка как иностранного: если носитель языка хотя бы интуитивно эту разницу чувствует, то объяснить ее иностранцу очень сложно [Всеволодова, Спиридонова 1968: 233].

Очень важно, что существующее в современном языке противопоставление полных и кратких прилагательных по синтаксической функции (соответственно — атрибутивной и предикативной) не абсолютно, поскольку существует возможность полупредикативного употребления прилагательных. Краткие прилагательные и причастия в предложении могут не только играть роль сказуемого, но и занимать позицию «распространяющего члена с двунаправленным отношением в устаревающих построениях типа: *Нахожу ее едва живу* (Дост.); *Как удастся ему быть живу?* (Багр.); <...> позицию обособленного члена предложения» [РГ 1980, 2: 457]. Согласно академической грамматике, «сказуемое может быть представлено таким сочетанием глагола и другой формы — имени или инфинитива, которое означает целостный признак — действие или состояние субъекта», в частности сказуемое может быть представлено «сочетанием спрягаемой формы глагола, означающего движение, обнаружение, выявление, пребывание в состоянии или обнаружение состояния, восприятие, речь, с прилагательным или причастием в форме им. п. (краткая форма — устар. и поэт.), регулярно заменяющейся формой тв. п.: *явился последний / последним; ходит, сидит, стоит печальный / печальным / печален* <...> *Сижу задумчив и один, На потухающий камин Сквозь слез гляжу* (Тютч.)». Место глагола может также занимать причастие или деепричастие [Там же: 237–238].

Употребление краткой формы прилагательных и причастий связано с падежом: только в И. ед. и мн. они выступают в полупредикативной функции, «в составе обособленных оборотов, обычно одновременно определяющих как подлежащее, так и сказуемое»; в качестве варианта к полной форме выступают формы В. ж. ед., Д. и Т. м.—ср. ед. и мн.:

При детерминирующем имени в форме дат.п. с субъектным или объектным значением имеет место варьирование форм тв. и дат.п. у распространяющего согласуемого слова, одновременно связанного с инфинитивом: *ему выпало стрелять первому / первым; ему надо доехать целым и невредимым, живым и здоровым / целому и невредимому, живому и здоровому* (старое также *целу и невредиму, живу и здорову*); <...> *Быть Керенскому битому и ободрану* (Маяк.; / *битым и ободраным, битому и ободранному*) [РГ 1980, 2: 143–144].

Оговаривается также употребление отдельных лексем:

При употреблении слов *живой, здоровый, целый, невредимый* и некоторых других в формах жен. р. в вариативный ряд по старой литературной норме, сейчас утрачивающейся, вступает краткая форма прилагательного в вин. п.: *застал ее живую и здоровую / живой и здоровой / старое живу и здорову; Еду в дом тетушки. Нахожу ее едва живу* (Дост.; / *едва живой, едва живую*) [Там же: 143], ср. [РГ 1980, 1: 556–558].

Полупредикативное употребление прилагательных привлекает внимание многих исследователей, хотя отмечается, что «тенденции в развитии обособленных адъективных оборотов до сих пор мало изучены» [Патроева 2002: 80]; ср. также [Очерки по исторической грамматике 1964; Камынина 1974]. По словам Н. Н. Прокоповича, «мы не располагаем данными о том периоде истории языка, когда возникает употребление прилагательных в полупредикативной функции» [Прокопович 1964: 236]. Адъективные группы встречаются уже в древнерусских памятниках XV–XVII вв., но вплоть до конца XVIII столетия «полупредикативное функционирование прилагательных, как полных, так и кратких, наблюдалось относительно редко» [Ковтунова 1964: 427; 1969; 1986; Газизова 1973]. Заметный рост употребительности обособленных адъективных синтагм отмечается на протяжении всего XIX в. и связан с изменениями в системе языка художественной литературы (прежде всего поэтической речи) [Акимова 1990: 50]. Если в XVIII в. полные формы прилагательных в составе обособленных оборотов встречаются преимущественно в прозаических текстах, то к середине XIX столетия членные прилагательные активно расширяют сферу своего функционирования, а краткие формы в обособленном употреблении становятся «специфической принадлежностью стихотворной речи» [Ковтунова 1964: 429].

Распространение в полупредикативном употреблении полных форм отразилось и в том, что «случаи обособленного употребления относительных прилагательных единичны, а их валентные возможности крайне ограничены» [Прокопович 1964: 226], «немногочисленны также обороты с адъективированными местоимениями и числительными в качестве опорного компонента» [Патроева 2002: 80–81].

Характерно, что в существующей литературе с особенностями полупредикативного употребления прилагательных может связываться традиция использования усеченных прилагательных. Усеченные формы рассматриваются как архаическая особенность, наряду с возможностью соединения сочинительной связью «согласованных и несогласованных групп», полной и краткой формы прилагательного, причем отмечается, что такие особенности вначале исчезают из прозаической речи, превращаясь в примету поэтического языка, а в конце XVIII — начале XIX столетия выходят из употребления [Патроева 2002: 80–81, 90].

Таким образом, происходит «функционально-стилистическая дифференциация кратких и полных форм, выступающих в полупредикативной функции: общими для всех стилей литературного языка (включая и поэтическую речь) к концу XIX в. стали полные формы, использование же кратких оказывается стилистически ограниченным» [Прокопович 1971: 229].

Показательно, что в тех редких случаях, когда современная грамматика допускает полупредикативное употребление кратких форм, такая возможность определяется как вариант устаревший, устаревающий или свойственный поэтической речи.

Следует особо отметить, что в современном языке сохраняются отдельные проявления изначального состояния системы имени прилагательного. Прежде всего, это наличие притяжательных прилагательных, частично сохранивших в функции определения парадигму именного склонения (хотя в современном языке осуществляется постепенное вытеснение в косвенных падежах именных форм местоименными, например: *бабушкина дома* и *бабушкиного дома*).

Использование кратких атрибутивных форм отмечается в стилизующей литературе [Иванов 1960: 55], ср:

В художественной литературе, преимущественно в поэзии, краткие формы в определительной функции употребляются в целях создания народно-поэтического колорита; например, у А. Блока: *Я голосом тот край, где синь туман, бужу, Я песню длинную прилежно вывожу* («Песельник»); *Ой, синь туман, ты — мой! Ал сарафан — пожар, что девичий загар!* (там же); *Как пошли наши ребята В красной гвардии служить — В красной гвардии служить Буйну голову сложить* («Двенадцать») [Краткая русская грамматика 2002: 256].

Принято считать, что следы атрибутивного употребления именных прилагательных сохраняются в современном языке в отдельных застывших формах в различных устойчивых сочетаниях: 1) во фразеологизмах, например: «*среди бела дня; по белу свету; на босу ногу* (с субстантивацией: *не по хорошу мил, а по милу хорош; по добру по здорову; мал малá меньше; от мала до велика*)», также в наречиях: *издавна, смолоду*; 2) в фольклорных постоянных эпитетах: *красна девица, дбру молодцу*; 3) в церковнославянизмах: *свято место пусто не бывает* [Краткая русская грамматика 2002: 256]; ср. также [РГ 1980, 1: 556–558; Шмелев 1960/2002: 590–592]. К сожалению, исчерпывающих списков таких устойчивых выражений до сих пор не существует (таким образом, характер их «устойчивости» остается проблематичным — подробнее об этом будет сказано в п. 4.7).

Утверждение о сохранении пережитков именных прилагательных в виде наречий также не является общепринятым (ср.: «косвенные падежи именных (т. е. кратких) форм прилагательных сохранились в современном живом языке лишь в стабилизировавшихся, окаменевших сочетаниях наречного типа, например, “раскалить докрасна, добела” и т. д.» [Кузнецов 1953: 155]; ср. [Грамматика 1952: 616]). Так, В. М. Марков решительно оспаривает этот тезис, указывая на невозможность употребления предлога с прилагательным и возводя эти наречия к более древней «недифференцированной группе имен конкретно-предметного значения», из которой развились современные существительные и прилагательные. Подтверждение этого ученый видит в многочисленных примерах из древнерусских памятников типа *худа не учинили, с черна начисто перепишет* и др. Эти же формы встречаются в выражениях типа *не знает, где право, где лево, молодо-зелено* и др., т. е. там, где сейчас усматривается субстантивация (см. выше: *от мала до велика* и др.), можно видеть и обратное соотношение. Марков заявляет, что «самая большая опасность при историческом объяснении современных образований заключается в возможности перенесения современных представлений на прошлое, на более ранние периоды истории русского языка» [Марков

1974: 14–16]; ср. также [Грамматическая лексикология 1978]. Это предостережение можно с полным основанием отнести и к взглядам на усеченные прилагательные.

Перейдем далее к рассмотрению собственно усеченных прилагательных и конкретно — эволюции взглядов на эти формы в русской грамматической традиции.

1.4. Эволюция взглядов на усеченные прилагательные

При анализе научной литературы, в которой затрагиваются проблемы усеченных прилагательных, особый интерес вызывает сравнение грамматик русского языка, созданных в разное время, так как они предполагают значительную широту охвата материала, тенденцию к исчерпывающей полноте изложения, что в целом позволяет поднять вопрос о терминологии, принятой при рассмотрении данной проблемы, о происхождении и эволюции отдельных терминов. Грамматики, созданные в разное время, оказываются сводом теоретических воззрений определенной эпохи, позволяют проследить эволюцию этих теоретических взглядов [Бондарко 2004]. Очень важно, что в последние десятилетия интерес к грамматическим описаниям прошлых эпох возрастает [Граматики 2002].

Граматики русского языка стали появляться только в первой половине XVIII в. В более ранний период главенствующее значение имели грамматики церковнославянского языка, что было связано с огромной его ролью в культурной жизни русского общества как книжного языка и языка религии. Хотя на протяжении XVIII в. происходило стремительное обмирщение русской культуры и соответствующая эволюция русского языка, такие представители старшего поколения создателей новой русской литературы, как Ломоносов и Тредиаковский, во многом заложившие основы изучения русского языка, были воспитаны на церковнославянской традиции и многое из нее восприняли [Бабеева, Запольская 1993], ср. также [Кузнецов 1958; Успенский 1971; Мечковская 1984; Запольская 1999].

Г. О. Винокур отмечал, что теоретики XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский) отождествляли краткие и усеченные формы, а атрибутивное употребление усеченных форм (т.е. кратких форм вообще) считали принадлежностью «словенского» языка [Винокур 2006: 248–251]. Исходя из этого, представляется необходимым при рассмотрении основных этапов эволюции взглядов на «усечения», отраженных в грамматиках русского языка, начать с грамматик церковнославянских, что особенно важно с точки зрения истории терминологии.

Существенно, что именно в славянских грамматиках, например у Мелетия Смотрицкого, употреблялся термин «усеченные прилагательные», который применялся по отношению к старым именным формам, противопоставляемым «целым», т.е. полным прилагательным [Граматики 2000: 157]. Предполагалось, что в центре системы прилагательного стоит полная форма, от которой (в случае необходимости) может быть образована «усеченная» или «сокращенная»,

т. е. краткая форма. «Славенскую грамматику» Смотрицкого, в частности, повторяет Сильвестр Медведев, определяя функции деепричастия: «...деепричастие делается из причастия и тако деепричастия от причастия разнятся, якоже прилагательная имена целая от усеченных, якоже праведный и праведен» [Прозоровский 1896: 84; Грамматики 2000: 302; Ремнёва 2003: 190], ср. также [Востоков 1831: 24]. А между тем практически во всех учебных пособиях и во многих научных исследованиях (даже в тех, где упоминается о неразличении теоретиками XVIII в. кратких (именных) и усеченных форм) происхождение этого термина связывается со способом образования в поэтическом языке XVIII в. заведомо искусственных форм — отсечением (усечением) местоименных окончаний. Неоднократно отмечалось, что история русской лингвистической терминологии недостаточно изучена [Буркова 2011]: грамматическая норма складывалась долго и трудно, и делать выводы о происхождении и функционировании языкового элемента на основании терминологии — задача сложная.

Можно предположить, что исторически неверная точка зрения на происхождение полных и кратких прилагательных и соответствующая терминология были заимствованы русскими грамматистами из славянских грамматик. Это очень важно, поскольку в церковнославянском языке вплоть до нашего времени именные прилагательные склоняются и употребляются в функции как предиката, так и определения, тогда как в русском литературном языке уже в начале XVIII в. краткие формы в роли определения были хотя и органичным, но всё же несомненным анахронизмом.

Три ранние грамматики русского языка — В. Адодурова (1738–1740), М. Ломоносова (1757) и А. Барсова (1783–1788) так или иначе следуют за славянскими грамматиками.

Сразу следует отметить, что «исторически неверная» точка зрения на образование кратких прилагательных от полных совпадает с представлениями современного носителя языка (подробнее об этом ниже), так что основной проблемой описания усеченных прилагательных оказывается конфликт диахронического и синхронического подходов.

Синхронный взгляд на прилагательные можно увидеть уже в немецкоязычном грамматическом трактате В. Адодурова (1731), где говорится: «Когда *прилагательное* используется в качестве *предиката* (*Praedicatum*) к какому-либо *существительному*, окончания *прилагательного* обычно сокращаются» (используются латинские термины *Contratio*, *Contractum adiectivum*) [Адодуров 2014: 111, 186], т. е. о возможности атрибутивного употребления кратких форм речи не идет, а краткие формы однозначно определяются как сокращение полных.

В грамматике Барсова (оказавшей огромное влияние на филологическую мысль той эпохи, но изданной лишь в наше время [Российская грамматика 1981]) говорится, что есть «прилагательныя имена *полныя*», окончания которых «часто сокращаются», и в таком случае «прилагательное называется уже *усеченым*» (причем подробно описывается, как «от прилагательного мужескаго производится женское, переменою окончательных слогов», аналогично от женского

«производится среднее») [Там же: 146–147]. Про сами же усечения говорится: «Сие усечение делается переменя полныя окончания 1. *ый* и *ий*, *ая*, *ое* на *ѣ*, *а*, *о* <...> 4. Впрочем многия прилагательныя, особливо от *времени*, *места одеяния* и *снасти* произведенныя в мужеском роде <в именительном падеже> усечения не терпят; ибо не можно сказать на пр. *древнь*, *крайнь*, *последнь*, *среднь* или *средень*, *вчерашнь*, *нынешнь*, *завтрешнь*, *утреннь* и проч. <...> Но в прочих падежах <...> приемлют <усечение> как *древня* <*града*, *древню граду* *древня слава*>» [Там же: 476–477], дальше отмечается, что некоторые прилагательные делают усечение и «со вмещением гласной»: *полный* и *полн*, *полон*. Самое же замечательное, что Барсов приводит «Примеры склонения усеченных прилагательных, со всеми их падежами в обоих числах», что предполагает их наличие в современном ему языке, хотя (как будет подробнее сказано в следующих разделах) парадигма именного склонения к тому времени уже разрушилась. И действительно, образец склонения, приводимый Барсовым, представляет собой контаминацию именной и местоименной (а также русской и церковнославянской) парадигм [Там же: 479]:

Им. (муж.)	добрѣ	(сред.) добрѣ	(женск.) добра	(множ.) добры.
Род.	добра	добры	добрѣ	добрыхъ.
Дат.	добрѣ	добрѣ	добрѣ	добрымъ.
Вин.	добра и добръ	добрѣ	добрѣ	добрыхъ или добры.
Зв. как именительный				
Тв.	добрѣ	добрѣ и доброй	добрѣ	добрѣми.
Предл.	о добръ	о добръ	о добръ	о добрыхъ.

Ср., например, [Классовский 1867/2005: 47–48; Буслаев 1959/2006: 229–230].

Термин «усеченные прилагательные» по отношению к кратким (именным) формам встречается в филологических трудах Третьяковского и Ломоносова. Например, у Ломоносова в «Российской грамматике»:

§ 193. Имена городов и прозваний, кончащиеся на *овѣ*, *евѣ*, *инѣ*, *скѣ*, склоняются в пяти первых падежах единственного и в именительном множественного числа по примерам существительных, кончащихся на *ѣ*, в прочих падежах следуют прилагательным или, кратко сказать, везде склоняются, как славенские прилагательные усеченные; <...>

§ 452. Страдательные причастия терпят усечение: *питаемъ*, *знаемъ* от *питаемый*, *знаемый*; *питанъ* от *питанный*; *напитанъ* от *напитанный*. Действительные и им подобные того не терпят: *питающѣ*, *питавшѣ*, *напитавшѣ* слуху досадны [Ломоносов 1952: 462, 550].

Несмотря на стремительное изменение русской культуры и литературного языка, такое представление об усеченных прилагательных продержалось в грамматической науке долго. Об этом свидетельствует статья в академической «Российской грамматике» 1809 г., где краткие прилагательные, употребляемые в предикативной функции, называются «усеченными», но зато отмечается, что

«стихотворцы нередко употребляют усеченные имена вместо полных. Сим способом избегают они излишества в числе слогов, к составлению стиха потребном, а иногда и рифма заставляет их прибегать к сей вольности...» (цит. по: [Винокур 2006: 254]).

Утверждение реалистических тенденций в литературе повлияло на усиление негативной оценки усеченных прилагательных. Так, в «Замечаниях на русскую грамматику» ее составитель Н. Киров утверждал, что употребление усеченных прилагательных не может быть терпимо как поэтическая вольность, так как поэты — Державин, Жуковский, Пушкин — «говорят более языком чувства, чем фантазии», «им нужны выражения плавные и мягкие» [Киров 1846: 35]. Встречались и иные оценки усеченных прилагательных:

Прилагательные неопределенные, поставляемые в виде сказуемого, получают особенное окончание, усеченное — свойство языка богатого, не встречаемое даже и в древних;

Некоторые из наших речений, порознь взятые, могут казаться тяжелыми, каковы: усеченные прилагательные, причастия, деепричастия; но те же самые слова от искусного размещения получают новое достоинство [Давыдов 1853: 158].

Однако термин в старом значении продолжал использоваться, иногда в неожиданных — с точки зрения современной грамматики — контекстах.

Так, К. Аксаков, говоря о личных местоимениях, отмечал, что «Он не есть Имя собственно, а усеченное Прилагательное оный» [Аксаков 1875: 158].

В статье В. Даля «О наречиях русского языка»: «*Костромская губ.* еще более приближается к наречию новгородскому: с нам, с вам, к нами и к вами; секчи, толкчи, пекчи; данным, званным, прежним, эк ён лома'тся, хвата'т; затем во многих местах пьют чай и даже цвай с калацом, охотно берут прилагательное усеченное (глупа голова); переносят ударение: вы хотитё, глядитё» [Даль 1998, I: LXXI]. В данном случае, скорее всего, имеются в виду не древние именные прилагательные и тем более не литературные усечения, а диалектные стяженные формы, что подтверждается упоминанием стяженных глагольных форм 3-го лица (подробнее об этом будет сказано ниже).

Терминология по отношению к формам прилагательного менялась постепенно. Так, А. Х. Востоков писал: «Прилагательные так называемые усеченные, которые я называю простыми, несложными с личным местоимением, склонялись в древнем языке одинаково с существительными». Таким образом, термин начал противоречить своему содержанию: «Из сих простых или усеченных причастий делались сложные, или полные, приставкою личного местоимения 3-го лица к мужескому роду непосредственно» [Востоков 1865: 21–24]; ср. также [Греч 1827]. В своей «Русской грамматике» Востоков одним из первых написал о принципиальном различии кратких и усеченных форм в связи с вопросом о разном грамматическом значении полных и кратких прилагательных. Выделяя нечленные формы качественных прилагательных и страдательных причастий в особую группу спрягаемых прилагательных, Востоков решительно противопоставляет

им прилагательные «с усеченным окончанием» (например народно-поэтические: *бел горюч камень, част ракитов куст*): «Сих усеченных окончаний не должно смешивать со спрягаемыми окончаниями имен качественных, которые от усеченных окончаний отличаются по большей части и ударением. Например: спрягаемые: краснó, синé, белы́ руки; усеченные: краснó солнце, синé море, белы́ руки. Ср.: *светел месяц, асен сокол*» [Востоков 1831: 41, 62; 1863]. Ср.:

Взгляд Востокова не нашел сочувствия у русских грамматистов, кроме Ф. И. Буслаева и Я. К. Грота. Но несомненно, что в поэтическом языке XVIII в. и первой трети XIX в. различались стяженные (усеченные) и нечленные в собственном смысле формы имен прилагательных. Востоков очень упрощает и схематизирует отношения между спрягаемыми и усеченными прилагательными. По-видимому, эта дифференциация, поддерживаемая различиями в ударениях, была обусловлена синтаксически. «Спрягаемые» имена противопоставлялись «склоняемым». Любопытно такое противопоставление у А. К. Толстого: «Днепра ж *светлы* стремнины», но:

И *свѣтлы*, как заря, / Два славные предстали пред ним богатыря [Виноградов 1972: 217].

Тем не менее взгляды Востокова получили развитие в трудах выдающихся русских филологов. Различия кратких и усеченных форм по месту ударения в слове отмечали и другие ученые, в частности В. И. Чернышев [Чернышев 1912: 68]; о чем см. ниже.

Неразличение кратких и усеченных форм Винокур отмечал и в современной ему научной литературе: «В лингвистической литературе “усечения” и именные формы до сих пор обычно смешиваются. Так, их не различает должным образом и Е. Будде в своем “Опыте грамматики языка А. С. Пушкина” (СПб., 1904). Та же ошибка в новейшей статье проф. А. М. Лукьяненко “Архаизмы и их роль в языке А. С. Пушкина” в “Ученых записках Саратовского гос. пед. института” (вып. 3, Саратов, 1938, стр. 34–35). Только один Востоков в своей “Русской грамматике” (1831) различает оба рода форм, хотя и не анализирует “усечения” подробно» [Винокур 2006: с. 253]. Неразличение нечленных и усеченных форм Винокур отмечает даже у В. В. Виноградова в работе «Язык Пушкина» [Винокур 2006: 261; Виноградов 1935: 123–124].

Е. Ф. Будде, не различая древние именные и усеченные формы, называл их одной из употребляемых в литературной речи старых форм «языка *русско-го*, но книжного, уже отставшего от *разговорной* речи»: «В области имен прилагательных и причастий мы находим формы бесчленного типа в качестве словопределений: с *небесновечна* свода, *падша* рода, солнце *благодатно*, *парящи* человеки». Показательны комментарии исследователя к примерам употребления усеченных прилагательных в языке поэзии: «Так мы теперь уже не говорим и не пишем!» и «Так писал Пушкин за 3 месяца до своей смерти!» [Будде 2005: 43–44]. Будде включает усеченные прилагательные в список древнерусских форм, утраченных в литературном языке: «Исчезла бесчленная форма прилагательного-местоимения в роли определения, по крайней мере, из языка